

связанных с организацией военных походов накануне празднования хеб-седа и их важной роли в ритуалах, приуроченных к этим праздникам.

В докладе *Р.А. Орехова* «Этюд о "Герзейской палетке"» предложена интерпретация изображения на этом, относящемся к додинастическому времени, артефакте в контексте изучения образа богини Хатхор. Сложная природа этого образа, сочетающего солярный (астральный) и хтонический аспекты, проявилась в ипостасях этой богини, отраженных в материалах, связанных с празднованием Нового года.

Е.Г. Толмачева сделала предметом своего сообщения исследование «Образ птицы Бену в религиозно-мифологических представлениях древних египтян эпохи Среднего царства». Иконография и функции этого божества подтверждают факт слияния культа цапли, широко распространенного в Египте, начиная с раннединастического времени, с почитанием птички-зуйки Бену, исконного гелиопольского божества-демиурга. В Текстах саркофагов Бену отождествляется с солнечным богом Ра, а также имеет отношение к представлениям об Осирисе и Анубисе. Характерной чертой культа Бену в эпоху Среднего царства было сосуществование представлений о Бену как об «официальном боге-демиурге», солнечном божестве и покровителе мертвых, так и о «персонаже низшей мифологии», связанном с магией. Посредническая функция Бену нашла отражение в именовании его глашатаем воли богов (Sp. 469; V. 393). Подобная медиативная роль весьма характерна для зооморфных богов и во многом определяет их значение в системе древнеегипетских религиозно-мифологических представлений.

Доклад *В.В. Лебединского* «Начало подводной археологии в России» был посвящен страницам истории отечественной подводной археологии с 1900 по 1948 г. Это было время становления новых научных и практических знаний в этой области, характеризующихся на том этапе отсутствием технической базы и методик работ. Однако в первые десятилетия становления этой новой научной дисциплины закладывался фундамент современных методов изучения и извлечения памятников истории и культуры.

В докладе «Небесное и земное в эволюции облика пирамид» *В.Б. Левина* была предложена гипотеза, согласно которой переход от ступенчатой формы пирамид к правильной был вызван тем, что в облике правильной пирамиды заключена символика, отражающая представления как солярного, так и астрального культов.

К открытию конференции в Институте востоковедения была приурочена выставка книг *В.И. Авдиева*, подготовленная сотрудниками библиотеки ИВ РАН, а также выездная выставка, предоставленная Исторической библиотекой. В холле Института была помещена витрина с фотографиями профессора *В.И. Авдиева*.

Г.А. Белова, Т.А. Шеркова

© 1999 г.

ВЫСТАВКА «ИЗ СОКРОВИЩНИЦЫ ПАРФЯНСКИХ ЦАРЕЙ» И КОНФЕРЕНЦИЯ «ДРЕВНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ ЕВРАЗИИ. ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА» (Москва, 14–16 октября 1998 г.)*

14–16 октября 1998 г. проходила международная научная конференция «Древние цивилизации Евразии. История и культура», посвященная 75-летию действительного члена Академии наук Таджикистана, академика Российской Академии естественных наук, доктора исторических наук, профессора Бориса Анатольевича Литвинского. Пленарное заседание конференции состоялось в Государственном музее Востока, где в те же дни проводился вернисаж выставки «Из сокровищницы парфянских царей». На выставке были представлены четыре ритона из Старой Нисы, хранящиеся в ГМВ, а также более тридцати монет эпохи эллинизма из собрания ГМИИ.

Открытие выставки было неслучайно приурочено к проведению юбилея *Б.А. Литвинского*. Более полувека назад, в октябре 1948 г., во время раскопок археологического отряда ЮТАКЭ, которым тогда руководила аспирантка кафедры археологии САГУ Елена Абрамовна Давидович, была сделана замечательная находка: в так называемом «квадратном доме» на городище Старая Ниса было обнаружено большое

* Организация конференции и издание тезисов докладов были осуществлены при поддержке РГНФ (код проекта № 98-01-00442).

количество фрагментов особых сосудов для вина в форме рога, изготовленных из слоновой кости. Деятельное участие в расчистке и фиксации уникальных находок принимал тогда лаборант кафедры САГУ Б.А.Литвинский. История открытия ритонов, их судьба и значение как в мировой науке, так и в жизни Б.А.Литвинского и Е.А. Давидович, стали темами выступлений на вернисаже. С приветственным словом к собравшимся обратилась заместитель генерального директора ГМВ по науке Т.Х. Метакса. Она отметила выдающийся вклад Б.А. Литвинского в изучение истории и культуры Центральной Азии и подчеркнула, что ему, а также славной плеяде отечественных исследователей Центральной Азии музей посвящает проведение данной выставки. Затем слово было предоставлено д.и.н. Е.А. Давидович. С присущим ей юмором Елена Абрамовна рассказала историю, послужившую причиной начала работ в помещении, где и были найдены ритоны. Она еще раз воздала должное высокому профессионализму и мужеству археологов, принимавших участие в работах по извлечению ритонов, напомнив, что время находки совпало с трагическими днями ашхабадского землетрясения. Со своими воспоминаниями о находке ритонов, а также истории их реставрации поделился участник раскопок тех лет на Старой Нисе д.и.н. Н.В. Обельченко. О проблемах реставрации ритонов рассказала также сотрудник ГНИИР реставратор, занимавшийся восстановлением нисийских ритонов, Г.А. Толстолуцкая.

Научные заседания конференции открылись зачитанием доклада директора Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша АН Таджикистана, профессора Р.М. Масова (Душанбе) «Выдающийся исследователь археологии Средней Азии» (к сожалению, сам докладчик не смог приехать на конференцию). Доклад был посвящен обзору научной деятельности академика АН Таджикистана Б.А.Литвинского, автора почти 450 научных и научно-популярных работ по археологии, древней истории и истории культуры народов Центральной Азии. В докладе было отмечено, что «Б.А. Литвинского можно назвать патриархом таджикской археологии. Вся его жизнь – искренняя преданность навсегда выбранной науке».

Б.Я. Ставицкий (Москва) сделал доклад на тему «Новые горизонты в изучении истории, культуры и искусства народов Средней Азии», где попытался предложить новый подход в изучении этих проблем. По его мнению, следует восстановить в правах «старое», традиционное для классического востоковедения (вплоть до 30-х годов XX в.), деление истории, культуры и искусства среднеазиатских народов на древнюю (домусульманскую) и средневековую (исламскую) эпохи, окончательно отказаться от «формационной теории» истории человеческого общества и принять идею «цивилизации» как пути к познанию исторических и культурных явлений в истории. Именно с таких позиций, по мнению докладчика, можно объяснить, например, такой феномен в истории Средней Азии как расцвет после IV–V вв. н.э. согдийской цивилизации, многие аспекты кушанской цивилизации I–IV вв. н.э., в частности, ее синкретическое искусство, политику Селевкидов и «греческих царей Бактрии и Индии».

Доклад Б.И. Маршака (Санкт-Петербург) «К вопросу об истоках согдийской культуры» вызвал весьма оживленную дискуссию. По мнению автора, вся история и предистория Согда, начиная с IV тыс. до н.э., показывают, что характер его культуры во многом определялся постоянно действующими природными факторами, причем культуры разных ландшафтных зон взаимодействовали, но при этом всегда существенно отличались друг от друга. На историческую арену согдийцы вышли в начале I тыс. до н.э., когда в долине Зеравшана археологически прослеживается не только варваризация земледельческой культуры, но и разрыв культурных традиций. Автор утверждает, что последнее вполне убедительно можно объяснить предположением о вторжении на территорию маргиано-бактрийской цивилизации, охватывавшую также земли будущего Согда, «подлинных кочевников», которые заняли долины (где после того сохранились лишь островки этой цивилизации), но не принесли с собой почти ничего доступного археологическому наблюдению. Расцвет в дальнейшем земледельческой культуры, характеризовавшийся строительством в VII–VI в. до н.э. больших укрепленных городов и разветвленных ирригационных систем, развитием профессионального гончарства произошел на базе традиций маргиано-бактрийской культуры, но он был бы невозможен без способности кочевников создавать, опираясь на свою родоплеменную и воинскую сплоченность, политические структуры. Именно они обеспечивали им не только власть над значительными территориями, но и давали возможность мобилизации больших масс людей, выполнявших грандиозные ирригационные и градостроительные работы.

Доклад В.С. Соловьева (Елец) «История и культура Бактрии-Тохаристана в свете исследований Южно-Таджикистанской археологической экспедиции» был посвящен ретроспективному анализу работ одной из крупнейших среднеазиатских исследовательских миссий, возглавлявшейся с первого года ее создания (в 1973 г.) Б.А.Литвинским. В составе экспедиции и по сей день работают сотрудники Института истории, археологии и этнографии Академии наук Таджикистана, Института востоковедения РАН и Государственного Эрмитажа. Количество отрядов, формируемых в составе экспедиции в отдельные полевые сезоны, достигало пятнадцати. Сотрудниками экспедиции изучаются памятники огромного хронологического диапазона – от нижнего палеолита до развитого средневековья. В результате работ экспедиции территория Южного Таджикистана является одним из наиболее хорошо изученных в археологическом отношении регионов Средней Азии.

Член-корреспондент РАН И.М. Стеблин-Каменский (Санкт-Петербург) в докладе «Памирские языки и

памирская этнография в трудах Б.А. Литвинского» отметил, что Б.А. Литвинский в своих работах по археологии Таджикистана часто привлекает данные филологии и этнографии, сравнительно-исторического языкознания и мифологии с целью более глубокой и достоверной интерпретации открытых ими памятников. Эти материалы используются, например, для объяснения предметов, обнаруженных в сакских могильниках на Восточном и Западном Памире, для реконструкции погребального обряда сакских племен, выявлению лингвистических предков носителей памирских языков. В свете новых сведений по памирским языкам и этнографии И.М. Стеблин-Каменским были предложены новые интерпретации и уточнения сделанных Б.А. Литвинским заключений.

Б.Д. Кочнев (Ташкент) в своем докладе «Ибрахим бен Наср – создатель Западного Караханидского каганата» обратил внимание на тот факт, что Б.А. Литвинский, не считая себя специалистом в области нумизматики, оставил тем не менее заметный след и в этой дисциплине, опубликовав в 1956 г. статью о Северной Варухской надписи. Эта работа посвящена караханидским правителям Ибрахиму бен Насру и его племяннику Аббасу бен Мухаммаду бен Насру. Первый из указанных правителей сыграл весьма значительную роль в истории Мавераннахра, первым из караханидских князей приняв титул *малик* (царь). Нумизматические материалы позволяют существенно уточнить датировки основных этапов его политической «карьеры», проследить последовательность его завоеваний и даже скорректировать дату его смерти.

В докладе *Г.А. Брыкиной* (Москва) «Погребальные памятники Ферганы в I тысячелетии н.э.» предпринята первая попытка обосновать типологию погребальных сооружений, бытовавших в одной из областей Средней Азии. По мнению автора, многообразие памятников и широкий хронологический диапазон добытых материалов позволяют проследить динамику развития погребального обряда. Материалы, полученные при раскопках погребальных сооружений, дают представление о высокой культуре населения, оставившего эти памятники, а также устанавливают влияние насельников соседних и удаленных областей, в первую очередь – племен сарматской культуры.

А. Инверници (Турин) представил доклад «Цитадель парфянской Нисы», в котором предложил новую атрибуцию известных архитектурных объектов на городище. По мнению исследователя, так называемый «квадратный дом», который принято считать царской сокровищницей, возводился и функционировал как дворцовое сооружение, в котором проводились царские пиры. В качестве аргументов А. Инверници привел планы дворцовых сооружений Македонии эллинистического времени, которые могли послужить прототипами при строительстве резиденции парфянских царей.

С.Я. Берзина (Москва) в докладе «Сасанидские анэпиграфные геммы в Средней Азии» представила корпус этих интересных памятников глиптики, имеющих в коллекциях отечественных музеев, а также найденных при раскопках памятников в различных регионах Средней Азии. Самые ранние из датированных к настоящему времени гемм относятся к началу IV в. н.э., самые поздние – к первой четверти VIII в. н.э. Как считает автор, сасанидские анэпиграфные геммы появились на территории Средней Азии в результате целенаправленной торговли. Они получили здесь широкое распространение в качестве амулетов, что способствовало утверждению канонической зороастрийской иконографии и, возможно, усилению ортодоксального зороастризма. Значительно меньше анэпиграфных гемм служили печатями, но именно они стали образцами при создании собственно согдийских печатей.

В докладе *Ю.А. Рапопорта* (Москва) «Античный медальон, найденный в Хорезме» была представлена уникальная находка, сделанная на городище Топрак-кала, развалинах династического центра царей Хорезма во II и III вв. На овальном медальоне, изготовленном из зеленого стекла и покрытом когда-то позолотой (сохранились следы), дано профильное погрудное изображение Геракла или какого-то правителя в его образе. По мнению автора, медальон является оригинальной римской работой, изготовленной в первых веках нашей эры, и относится к категории фалер – наградных знаков, вручавшихся солдатам от имени императора, изображенного на медальоне. Возможно, что в погрудном изображении Геракла есть основания видеть римского императора Коммода, правившего в 180–192 гг. и именовавшего себя *Hercules Romanus*. По всей вероятности, фалера досталась как трофей сарматскому воину или парфянину и затем попала в далекий Хорезм.

В.Н. Пилипко (Москва) в докладе «Парфянский костюм» для решения вопроса о внешнем облике древних парфян вновь проанализировал все известные к настоящему времени иконографические материалы, в первую очередь – известные персепольские рельефы. По его мнению, можно вполне определенно говорить о том, что основу парфянского костюма составляли общеранские элементы – длинная, до середины бедра, просторная, с округлым шейным вырезом рубаша, подпоясанная кушаком, длинные прямые штаны и мягкая облегающая обувь. Наиболее четким и надежным изображением парфянина следует считать, по мнению исследователя, персонаж с сигнумом, имеющийся на парадном панцире римского императора Августа (статуя из Прима Порты). Принципиально иной тип иранского костюма, представленный на аршакидских монетах, был широко распространен в скифо-сарматской кочевой среде. Применительно к Среднему Востоку докладчик предложил называть его сакским. Один из его вариантов, который парфянские цари, судя по монетам, в парадной обстановке носили вплоть до середины II в. н.э., предложено называть дахским и считать знаком определенного социального статуса.

Г.К. Мкртычев (Москва) в сообщении «К одному вопросу из истории нисийских ритонов» попытался сопоставить технику изготовления ритонов с вопросом об их назначении. По мнению выступающего, материалы, использованные при изготовлении нисийских ритонов, дают основание считать технику их исполнения вариантом хрисоэлефантинной техники. Автор сообщения разделяет точку зрения П. Бернара на утилитарный характер нисийских ритонов как дорогой пиршественной посуды. В этой связи он считает, что после того, как ритоны вышли из употребления, с них были сняты детали из драгоценных металлов, а части из слоновой кости и дерева, которые не могли быть использованы вторично, поместили в комнату сокровищницы, где хранились другие предметы из слоновой кости (детали мебели, пластины для украшения табличек для письма).

В докладе *В.Г. Шкоды* (Санкт-Петербург) «Генезис согдийской культовой архитектуры» были проанализированы особенности планировки согдийских культовых зданий (в основном на примере пенджикентских храмов). Автор считает, что ранний план пенджикентских храмов целиком следует традициям восточноэллинистической храмовой архитектуры, хотя, наряду с ними, можно отметить и особенности, присущие иранским постройкам (квадратный зал в обводе коридора). В целом архитектура согдийских культовых построек свидетельствуют о том, что в Согде был выработан свой особый тип зданий, сложившийся под влиянием архитектурных традиций Бактрии-Тохаристана, которые в свою очередь тесно связаны с культовым наследием Греции и древнего Ближнего Востока.

Б.И. Вайнберг в своем докладе «Хорезмийская эра» вернулась к дискуссионному вопросу о причинах и времени введения специального летосчисления, существовавшего, согласно письменным документам, в этом древнем среднеазиатском государстве. Анализ широкого круга археологических материалов позволил автору прийти к заключению, что первые века нашей эры, т.е. эпоха «младших аршакидов», занимают особое место в религиозной и культурной жизни Хорезма. Б.И. Вайнберг считает возможным говорить о произошедшей в Хорезме не позднее I в. н.э. религиозной реформе, сопровождавшейся распространением зороастрийских канонов и «правил», и увязывать ее с началом хорезмийской эры, а тот факт, что употребление этой эры зафиксировано только в культовых комплексах свидетельствует о ее исключительно религиозном употреблении.

В докладе *Л.Т. Яблонского* (Москва) «Оссуарные могильники хорезмийских скотоводов» представлен материал планомерных археологических исследований на территории Присарыкамышской дельты Аму-дарьи. Эти исследования показали, что по крайней мере со второй половины I тыс. до н.э. здесь распространяется погребальный обряд, предусматривавший захоронение предварительно очищенных человеческих костей, причем совершаются подобные захоронения в том числе и в курганных могильниках. По мнению автора, этот факт является не только отражением процесса оседания гетерогенных групп кочевников на территории Хорезма, но и их вовлечения в социально-политическую систему хорезмийской государственности.

Н.Л. Членова (Москва) в докладе «Олени, кони и копыта (о связях Монголии, Восточного Казахстана и Средней Азии в скифскую эпоху)» проанализировала многочисленные изображения на оленях, камнях Монголии и проследила их связи с изображениями ряда районов Евразии, в том числе в Восточном и Южном Казахстане, Семиречье и Средней Азии. Подобный сравнительный анализ позволил ей сделать вывод о широком почитании коня в скифскую эпоху на весьма обширном пространстве Евразии.

В докладе *М.Г. Мошковой* (Москва) «Об уздечных наборах поздних сарматов» были представлены коллекции вещей, добытые при широких раскопках позднесарматских могильников и отдельных погребений, проводимые в последние десятилетия на всей территории расселения сарматов, но особенно интенсивно в междуречье Волги–Дона, низовьях Дона и Южном Приуралье. Как считает автор, появление всех этих материалов в совокупности с серьезными разработками по сарматским конским уборам позволило увидеть разницу в формах, составе и стилистике сбруи в погребениях средне- и позднесарматских культур. Удалось также выявить региональные различия между составом конских уборов в целом или отдельными их частями в погребениях воинов Южного Приуралья и Заволжья, с одной стороны, и междуречья Волги–Дона и низовьев Дона – с другой.

В.Б. Ковалевская (Москва) в докладе «Раннесредневековые бусы Кавказа и торговые пути V–IX вв. (применение компьютерного картографирования)» представила результаты поистине титанической работы по типологии и картографированию одного из наиболее массовых источников информации – бус из стекла, драгоценных камней и иных природных материалов (янтарь, коралл, гагат), найденных при археологических исследованиях на территории Крыма и Кавказа с привлечением материалов из памятников VIII–IX вв. Северского Донца, Дона и Волги. В докладе были представлены карты генеральных компонент, прослеживающие магистральные пути поступления бус на территорию Кавказа, а также местные дороги, по которым распространялись стеклянные и каменные бусы местного северокавказского производства. Как считает автор, составленные карты представляют собой прогностические модели источников наблюдаемых явлений (иначе говоря, производственных центров) и помогают выявить характер распространения данного рода объектов от этих центров к периферии.

В докладе *Д.С. Раевского* (Москва) «О возможности новых подходов к изучению звериного стиля

скифской эпохи» был поставлен вопрос о возможности изучения известных памятников изобразительного искусства степей Евразии с помощью достаточно хорошо разработанной методики изучения архаических вербальных художественных текстов. Автор вводит понятие «поэтики звериного стиля» как определенной совокупности особенностей тех или иных изобразительных памятников. По его мнению, изучение поэтики звериного стиля есть процесс исследования смысла и форм его образов в их неразрывном сочетании. В докладе приведены некоторые примеры подобного изучения и намечаются пути дальнейшей разработки предложенного подхода.

Л.Р. Кызласов (Москва) в докладе «Неведомые храмы манихеев» представил последние результаты своих археологических изысканий на р. Уйбат в Хакасии. Здесь были раскопаны два крупных храмово-монастырских центра, относящихся к VII–XI вв. н.э. По мнению автора, имеются все основания интерпретировать открытые руины зданий как остатки храмов манихеев. Не менее важным открытием для истории архитектуры является и разнообразие типов открытых культовых зданий.

Доклад *И.Л. Кызласова* (Москва) «Священная Земля тюрков по руническим надписям» явился естественным продолжением упомянутого выше доклада. В нем, анализируя содержание орхонских эпитафийных надписей VIII – первой половины IX в. и краткие енисейские наскальные надписи, относящиеся к IX–X вв., автор приходит к выводу, что ко времени создания этих молитвенных надписей в Древнехакасском государстве, объединявшем всю Южную Сибирь, уже официально господствовала манихейская религия, воспринятая от Уйгурского каганата в начале 60-х годов VIII в. В Южной Сибири манихейство распространялось на родном языке местных жителей и пользовалось рунической письменностью.

Т.А. Габеев (Москва) в докладе «К вопросу о локализации пяти 'малых владений' Кангюя», взяв за основу бичуринский перевод китайских династийных хроник («Ханьшу», «Синь Таншу», «Бэй ши»), попытался заново просчитать расстояния между различными владениями так называемого Западного края и на этом основании уточнить их локализацию.

Всего на конференцию были присланы тезисы 56 докладов из Москвы, Санкт-Петербурга, Новгорода, Новосибирска, Ташкента, Бишкека, Душанбе, Берлина, Парижа и Рима. К сожалению, не все исследователи смогли приехать в Москву. Тезисы докладов опубликованы¹.

Т.К. Мкртычев, А.В. Седов

¹ См. Древние цивилизации Евразии. История и культура. М., 1998.